

РОМАН Л.ФЕЙХТВАНГЕРА "ЕВРЕЙ ЗЮСС" И БИБЛЕЙСКАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

© В.Б.Медведев

Данная статья посвящена рассмотрению влияния библейского источника на создание Л.Фейхтвангером в историческом романе "Еврей Зюсс" образа еврейского мира. Рефлексия иудейской канонической литературы проявляется в представлении автором персонажей и их взаимоотношений в соответствии с образами Книги книг. Этнический характер поэтического мира романа Л.Фейхтвангера проявляется в библейской тематике отдельных эпизодов, в использовании слов и словосочетаний древнееврейского происхождения.

Ключевые слова: реляция, поэтический мир, канонический, взаимодействие, жертвоприношение, магический, творец.

В отечественной литературоведческой традиции творчество известного немецкоязычного писателя Л.Фейхтвангера все чаще рассматривается в ракурсе орбит взаимодействия немецкой и еврейской культур. Определяющим здесь, как нам представляется, является не столько избранная автором тема повествования, сколько следование каноническим образцам еврейской литературы. Наиболее резко это положение представлено в историческом романе Л.Фейхтвангера "Еврей Зюсс" [1], в котором автору удалось создать подлинно еврейский поэтический мир. Задачей данного исследования явилось установление библейских реляций и способов их реализации в данном литературном произведении.

Рассмотрим это положение на примере раскрытия автором взаимоотношений между главными персонажами произведения герцогом Карлом Александром Вюртембергским и его придворным евреем Йозефом Зюссом Оппенгеймером. Противостояние этих двух протагонистов в романе занимает особое место ввиду попытки Л.Фейхтвангера представить взаимоотношения между правителем Швабии и его финансистом в соответствии с образцами классической еврейской литературы. Важным для понимания авторской идеи, возникшей не без влияния библейских образов, становится наделение Зюсса магической силой, вынуждающей герцога подчиняться его воле: "Den Herzog hatte Süß in seiner Gewalt. Karl Alexander fühlte sich geheimnisvoll gebunden an diesen Mann..." [2: 148].

Некоторыми критиками участие Зюсса в судьбе герцога в свете многократного использования Л.Фейхтвангером слова "Gewalt" интерпретируется даже как символическое проявление "слияния в единой плоти иудаизма и стремления к господству" [3: 184]. Данная мысль укрепляется в сознании читателя повтором глагола

"binden", а глубина проникновения этой связи – появлением существительного "Blut": "Er gestand sich nicht, dass, was ihn an den Juden *band* wie das, was ihn abstieß, viel tiefer und unheimlicher in seinem *Blut lag*" [2: 297].

Динамизм повествования нагнетается за счет концентрации глаголов с содержанием активного действия, усиленного соответствующими атрибутами: "Der Herzog aber, allein, schäumte, raste. *Riss, zerrte, scheuerte sich wund an der unsichtbaren, unzerreißbaren, grauenhaften Bindung von ihm zu jenem*" [2: 338].

Чуть ниже происходит повтор лексемы "die Bindung" уже с другим, синонимичным прилагательным "*peinvoll*", что усиливает степень зависимости герцога от Зюсса и подчеркивает его беспомощность перед иудеем: "Manchmal wieder sagte er sich, erreiche er den Triumph der Kirche in Schwaben, dann werde Gott ihn sicherlich belohnen und ihn lösen aus der *peinvollen Bindung* mit dem Juden" [2: 343].

Идею укрепления взаимодействия Зюсса с герцогом Л.Фейхтвангер развивает в духе библейского единения творца с объектом его созидания. Для демонстрации реляции взаимоотношения Зюсса и герцога к его библейскому образу автор "Еврея Зюсса" намеренно неоднократно употребляет глагол "kneten". Причем, как показывают примеры, придворному еврею под силу лепить все, что угодно, включая герцога: "Er hatte ... aus einem hitzigen, brünstigen, brutalen Stück Fleisch *einen Fürsten geknetet*" [2: 367].

Результатом этого взаимодействия является неразрывная связь творца и его деяния: "... sie waren Teile eines Körpers, unlöslich verknüpft" [2: 354]. Зюсс и герцог становятся единым целым, кровью и плотью (многократный повтор "das Blut", "das Leben"), чей союз укрепляется не без участия магических и даже дьявольских сил "he-

xerisch", "verteufelt", "Zauber". Сам Зюсс полон энергии и зажигает ею окружающих, прежде всего герцога, делая проекты герцога жизнеспособными "Sinn und Leben". Герцог вовлечен в сферу влияния Зюсса, он заражен и, более того, отравлен ("vergiftet") дикой ("wild") идеей иудея подменить собой страну. Лучшее всего это положение демонстрирует следующий отрывок, в котором обращает на себя внимание первопричина таких взаимоотношений: "Was Süß in seine kräftigen, *unheimlich gewandten Hände* nahm, das *knetete* er wie durch *Zauber* rund und fügsam. Vor seinem fanatisch schwelenden *Feuer* ward all die brave und gewissenhafte Mühe lächerlich, mit der die anderen zappelnd und qualvoll halbe Erfolge zetteln. Aber dass es doch in Wahrheit viel mehr war, dass dieser Staatsstreich sein, Karl Alexander, *Leben und Sinn* selber war, dass wussten doch, spürten doch nur er und der Jude. Denn so hatte sich ihm langsam das Projekt umgebildet, so hatte er unter dem *knetenden*, hetzenden Auftrieb des Süß sich ihm *ins Blut gebrannt*. Erst war es ihm Politik gewesen, Mittel zur Macht, Dekoration, nichts weiter; dann war es Mystik geworden, ersehnte Lösung aus einer *Bindung*, Relegion. Jetzt hatte es sich verwandelt in sein *Leben und Blut* selber. Er wird jetzt, das ist *der Sinn und Krone* des Landes, das Land selber werden... Immer *wilder* hatte der Jude die finstere, *brünstige Sehnsucht* des Fürsten geschürt nach dem Tag, da das Land sich in ihn wandeln sollte..., ihm sein ganzes schwellendes, fanatisches *Feuer ins Blut gebrannt*. Der *vergiftete* Fürst suchte gierig Bestätigung, neuen, *wilderer Antrieb* in dem heimlich einverständnisvollen Blick des Juden" [2: 353-354].

Постепенно не только ход мыслей герцога, но и его движения подчиняются воле еврея. Во всех этих эпизодах присутствует библейское отношение к танцу как некоему ритуальному обряду. Известно, что древние израильтяне использовали танец как форму проявления религиозных убеждений, поскольку танец служил выражением радости, страха, поклонения. Поэтому вовлечением герцога в иудейский танец автор усиливает идею подчинения герцога воле Зюсса. Одновременно, описывая совершение герцогом танцевальных движений вместе с иудеями, Л.Фейхтвангер вовлекает и читателя в иудейский мир повествования. В этом странном хороводе герцог принимает участие не единожды. В зависимости от значимости того или иного персонажа повествования меняется и центральная фигура в танцевальных па: в каком-то случае на ключевую роль выдвигается герцог, в другом – Зюсс. При этом автор прибегает к частичному повтору части вводного предложения, с тем чтобы оттенить ситуативную дифференциацию:

1. "*Die Dinge um ihn* verloren ihm ihre Farbe, der Jude vor ihm *verfahlte*. Er sah sich schreiten in einem ... unwirklichen *Tanz*, vor ihm im Reigen schritt ... der Magus, Rabbi Gabriel, die eine seiner Hände haltend, die andere hielt Süß" [2: 109].

2. "*Die Dinge um ihn verfahlten*; er sah sich schreiten in einer ... schattenhaften Quadrille, Rabbi Gabriel hielt seine rechte, der Herzog seine linke Hand" [2:151].

Став фактическим правителем герцогства и заставив слепленного им герцога плясать под его дудку, Зюсс в запале мести решает расстроить все планы герцога, подведя того к смертному одру. Чувство откровенного презрения к герцогу, трансформировавшееся из первоначально глубочайшего почитания Зюссом властителя княжества, передается Л.Фейхтвангером использованием слова "schachern", заимствованным из древнееврейского языка и применяющимся христианами исключительно к презираемым ими иудеям. Используя вначале немецкое "abkaufen" перед синонимичным глаголом "abschachern", Л.Фейхтвангер одновременно добивается удвоения отрицательного эффекта, оценивая ситуацию поликонфессионально. Именно такими категориями способен мыслить иудей Зюсс, причастный обоим языкам и воспитанный в атмосфере двух культур: "Abkaufen wollte er ihm, durch Geschäfte, durch Affären *abschachern* ihm den Tod seines Kindes! *Der Narr* der, der *siebenfach* verblendete" [2: 327].

Здесь автором включается в повествование еще одна библейская тема – жертвоприношение. Зюсс собственноручно, подобно древним иудеям, вскормил жертву и подготовил ее к приношению: "Jetzt *hatte er sein Opfer herangemäset*, hatte es erhöht, es ansehnlich und weit gemacht. *Ein verhungertes Tier* anzunehmen weigerte sich der Priester wie der Gott. *Das Opfer, dessen Blut er jetzt darbot*, konnte bestehen" [2: 367]. К библеизмам здесь можно отнести словосочетания "das Opfer (heran)mästen", "das Blut dar bieten".

Заключительным аккордом в этой трагедии взаимоотношений творца и его детища звучит финальная сцена расставания Зюсса с умирающим правителем, где мы встречаемся с выражениями библейского происхождения в многократном синонимичном повторе: "das Opfer zurecht-richten", "das Opfer präparieren". В слепленную им болванку Зюсс заронил худшее свое семя ("den verworfensten Samen hineinträufeln", "sein schlechtes Teil hineingiessen", "sein Schlechtestes hinein-träufeln", "hineinträumen"), превратив чушку в герцога. "Sieh, Karl Alexander, sieh, du dummer, tölpischer Herzog, ...ich hab dich mir erst *zurechtgerichtet*, hab dich *präpariert*, dass du aussiehst wie

ein Mensch, ja wie ein Fürst. ... Du warst nichts als ein kleiner, gewalttätiger Zufallsherzog all deine Tage, und ich hab dich lassen tanzen. ... Sieh, gerade mein Schlechtestes hab ich in dich hineingeträufelt, meinen verworfensten Samen. ... das hab ich für mein schlechtes Teil geachtet und hab es ganz in dich hineingegossen und hab dich tanzen lassen und dich gemästet, bis dass du reif warst" [2: 384].

Итогом данного исследования является установление влияния на творческий почерк Л.Фейхтвангера библейского источника, что свидетельствует о стремлении писателя создать произведение в духе иудейских литературных традиций. Поэтический мир произведения выдерживается в этнических рамках не только благодаря библейской тематике отдельных эпизодов, но и углубляется путем использования слов и словосочетаний древнееврейского происхождения. Этот творческий подход автора в корне отличает анализируемый нами исторический роман от его литературных предтеч [4; 5; 6].

* * * * *

1. *Фейхтвангер Л.* Еврей Зюсс. – М.: Люкс, 2005. – 510 с.
2. *Feuchtwanger L.* Jud Süß. Roman. – Berlin und Weimar: Aufbau Vlg., 1991. – 474 s.
3. *Körte M.* Figur ohne Original: "Jud Süß" und "Ewiger Jude" als Metafiguren der Geschichte bei Lion Feuchtwanger // *Przyrembel A., Schönert J.* (Hg.) "Jud Süß" Hofjude, literarische Figur, antisemitisches Zerrbild. – Frankfurt a. M. und N.Y., 2006. – S.175-188.
4. *Fassmann D.* Gespräche aus dem Reiche der Todten. – Leipzig: W. Deer, 1737. – 1204 s.
5. *Hauff W.* Jud Süß. Erzählungen. – Wiesbaden: Volksbildungsverein, 1903. – 78 s.
6. *Joseph Süß Oppenheimer ein Finanzmann des 18. Jahrhunderts.* Nach den Verteidigungsakten und den Schriften des Zeitgenossen bearbeitet von Manfred Zimmermann. – Stuttgart: Rieger'sche Verlagsbuchhandlung., 1874. – 140 s.

L.FEUCHTWANGER'S *JEW SUESS* AND CANONICAL BIBLICAL TRADITION

V.B.Medvedev

This article is devoted to the influence of the Biblical sources on the creation by L.Feuchtwanger Jewish poetical world in his historical novel *Jew Suess*. The reflection of the Judaic canonic literature results in the presentation of the personages and their relations according to the images of the *Book of Books*. Poetical world of this work is ethnic because the author uses Biblical images, Jewish realities and Hebrew words and word-combinations.

Key words: relation, poetic world, canonical, interaction, sacrifice, magic, creator.

* * * * *

Медведев Владимир Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного университета путей сообщения.

E-mail: medvedev-mail@mail.ru

Поступила в редакцию 06.10.2010